

Владимир ПЕРСИЯНОВ

БАЛЕТ

Quelque chose Майи Плисецкой

Quelque chose, кое-что, так, по рассказу Майи Плисецкой, Марк Шагал начинал разговор на любую тему.

«Quelque chose» учинила и сама балерина за несколько дождливых августовских дней, проведенных ею отчасти в Москве, но преимущественно в Петербурге. Сонная балетная жизнь обеих столиц разом преобразилась: наполнилась впечатлениями, спорами, ссорами, слухами, криками «браво» и даже «бравó» (так кричал, и весьма профессионально, Пьер Лакот, знаменитый французский балетмейстер). Крики эти раздавались в зале Петербургского Александринского театра, где отшумел первый международный балетный конкурс «Майя».

Естественно, что Плисецкая председательствовала в жюри. Кроме того, по условиям конкурса необходимо было во втором туре показать новую композицию на музыку «Кармен-сюиты» Бизе-Щедрина, веро-

ятно, главного ее балета. Этот, на первый взгляд, рискованный план оправдал себя сверх всяких ожиданий. Мы увидели несколько первоклассных отрывков и законченных номеров, несколько ярких Хозе и несколько необычных Кармен и вместе с тем Кармен подлинных, неоспоримых.

А это означает, что вопреки всему образ страстной цыганки по-прежнему завораживает артисток и нас и что пути страсти по-прежнему неисповедимы.

И, наконец, хотя это другой разговор, мы присутствовали при рождении нового типа балетного конкурса: второй тур стал самостоятельным конкурсом, конкурсом тематическим, внутренне единым. В этом и заключался главный сюрприз, но и драматизм пяти вечеров: соревновались две модели конкурса балета. Традиционная модель, при которой прежде всего оценивается техника, школа, некоторый абстракт-

ный артистизм, и модель авангардная, при которой (как нам показалось) более всего ценится яркая индивидуальность, глубина интерпретации и общая художественная культура. В идеале, конечно, одно другому нельзя противопоставлять, и получивший «Гран-при» 20-летний парижанин Бенжаме Пеш (безусловный фаворит после первого же тура) эту идеальную возможность успешно стремился продемонстрировать. Что же касается женского конкурса, то тут ко всеобщему изумлению возобладала традиционная модель: золото получила темпераментная техничка из Киева Елена Филиппева, которую никто из зрителей не котировал слишком высоко, а две явные претендентки — поэтичнейшая петербуржка Аня Поликарпова (представлявшая, увы, Гамбург, а не Петербург) и неправдоподобно изысканная танцовщица из Вильнюса Эгле Шпокайте — довольствовались серебром и бронзой. Так решило жюри, почти сплошь состоявшее из авангардистов. Интересно, какое место присудило бы это жюри начинающей Плисецкой?

Сама же Плисецкая тут ни при чем, и уже пора рассказать, что приехала она в Петербург не с пустыми руками. В рамках конкурса состоялась презентация книги «Я, Майя Плисецкая», большой книги на полтысячи страниц с замечательными фотографиями и красивыми рисунками (худ. Вл. Шахмейстер). Это стало сенсацией — и не потому только, что автор позволил себе откровенность суждений, к какой мы еще не привыкли, но прежде всего потому, что автор обнаружил безусловный писательский дар. Книга написана живо, с сохранением личной интонации и беглости устной речи, тем не менее она написана, и написана хорошо.

Три качества делают эту книгу фактом литературным, а не мемориальным только. Во-первых: ярчайшая эмоциональная память (что, между прочим, отчасти объясняет художественное долголетие балерины; пока она с такой, почти набоковской, силой может вспоминать краски, звуки, лица и голоса, она может не уходить со сцены). Затем: чувство слова и чувство

слова — например, одним-единственным, но точно найденным эпитетом она определила да и припечатала сталинский акцент, назвав его «криминальным». И наконец, главное: умение описывать людей кратко и метко. Книга «Я, Майя Плисецкая» вовсе не автопортрет, как можно предположить, а серия портретов, моментальных зарисовок самых различных людей, знаменитых (к числу знаменитостей и принадлежит цитировавшийся Марк Шагал) и безвестных: от одних Майя получила много добра, а от других очень сильно, сильнее нельзя, потерпелась. С этими последними и ведется безжалостный расчет. Книга Плисецкой — книга расплаты. В этом ее моральное обоснование, моральный итог, моральная сила. Чисто литературный аспект этой проблемы заключается в том, что Плисецкая-литератор должна была придать индивидуальные качества чему-то неиндивидуальному, не имеющему собственного лица, существующему лишь во множественном числе — то есть чиновнику сталинской и послесталинской поры, бюрократу по ведомству балета. Выступая на презентации в Петербургском театральном музее, я определил эту ситуацию по-балетному и именно так: столкновение балерины-художника и кордебалета чиновников, он же кордебалет стукачей, он же кордебалет негодяев. Такой — не по фильму «Большой вальс» (о котором, кстати, вспоминает она) — была ее жизнь, жизнь актрисы, и Плисецкая этого не скрывает. Невидимые миру слезы проступают сквозь череду весело написанных страниц, но общий тон книги победительный, даже дразнящий. Тон беглеца, которого уже не удержать, тон мудреца, которого уже не обманешь. Годами и ей, и другим людям искусства внушалось, что они на иждивении властей, что они бедные родственники советской власти. Книга Плисецкой, как и вся ее жизнь, — на это ответ, и ответ очень внятный. «Нет, — отвечает она, — и не бедная, и не родственница, вам не родственница». Кто же ты тогда? «Я, Майя Плисецкая». Вот кто.

Вадим ГАЕВСКИЙ